

С.И. Кормилов

«Один, как прежде...»

<...>

В коротком стихотворении 1840 года автору «и скучно и грустно» вообще, здесь пессимизм представлен в чистом виде, без надежды на возрождение высоких чувств и деятельной жизни в потомках: «И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, — / Такая пустая и глупая шутка!» Слово «грустно» в заглавии и в первом стихе, «шутка» в последнем, но шутка эта неудачная, отнюдь не повышающая настроение, тем более что до «шутки» низведена ни много ни мало вся жизнь. Три строфы стихотворения выдержаны в одном тоне. Но настроения дифференцированы. Скука и грусть — безотрадная норма, бывает и хуже — минуты «душевной невзгоды», и тогда «некому руку подать». Тут словесная двусмысленность: то ли нет человека, который бы подал руку тебе, то ли ты не находишь такого, чтобы стоило подать ему руку. Но двусмысленность эта объяснима. В стихотворении нет ни «я», ни «мы»; «заглянешь», «посмотришь» — формы обобщенные, сказанное применимо к кому угодно. Вся жизнь — «пустая и глупая шутка», а вместе с тем «годы проходят — все лучшие годы!» Это взгляд без «холодного вниманья», с естественным представлением о том, что какие-то годы, очевидно, молодые, должны быть лучшими в жизни. Но они «проходят» безрадостно. Ни любовь, которая не может быть вечной (Лермонтов — максималист: и некого любить, и «на время не стоит труда»), упоминаемая и во второй, и в третьей строфах («сладкий недуг» страстей — оксюморон, нелепость, он должен исчезнуть «при слове рассудка»), ни воспоминания о собственном прошлом (тоже, конечно, в значительной степени любовном) не избегают лапидарного приговора: «и всё так ничтожно».

Стихотворение написано изобретенными специально для него четверостишиями, чередующимися длинные, 5-стопные амфибрахические строки с укороченными 3-стопными (второй стих строфы) и 4-стопными (последний стих). Метрическое разнообразие вместе с тем строго упорядочено, «монотонизировано». Наплывы тех или иных печальных мыслей заключены в строгую, «холодным» разумом выстроенную конструкцию.

У зрелого Лермонтова, пишет Л. Гинзбург, «в высокую образную речь просачиваются слова, не прошедшие предварительную литературную обработку», не закрепленные традицией в определенном стиле. Например, в «Не верь себе» (1839) сказано «надежды глупые первоначальных лет» — поэт школы 1810–20-х годов в таком контексте скорее сказал бы «надежды безумные». У Лермонтова уже через год, в стихотворении «И скучно и грустно», употребление нестилевых слов стало осознанным поэтическим принципом».

Белинский готов был предоставить этому небольшому стихотворению «почетное место между величайшими созданиями поэзии», восторгался этой «похоронной песней всей жизни», вызывающей содрогание: «И какая простота в выражении, какая естественность, свобода в стихе!»

<...>